Соло́ман Премудрый и Васька Окулов

Ай да за морем ле, морем нонь за синиим,
Ай у Васьки-царя было Окулова.
И завёлса у Васиньки почесен пир
И на многих ле князей, сё на бояров,
И на многих купцей, людей торговыих,
И на тих же мещан да пригородныих,
И на тих же кресьян да православных.
Он как пир-от снаредил, Васька, пировать стали.
И кабы пир-от нонь идёт ище ко вечеру,
Красно солнышко катитцэ ко западу —
Ищэ пир-то идёт да о полупира,
Кнежоневьская радость в полурадости.
Уж выходит ле Васинька, прикрасной царь,
Он выходит на се́реду-кирпищат пол,
Он же по полу-то, Васинька, похаживат,
Кабы с ножиньки на ножку переступыват,
Ён сапог-де о сапог да поколачиват,
Он берщатыми-ти скобками побрякиват,
Он белыми-ти руками прирозмахиват,
Он злачными-ти перснями принабрякиват,
Он есныма-ти оцями прирозглядыват,
Он буйной-то головой да принакачиват,
Он желтыма-ти кудрями принатряхиват,
Тихо-смирную рець сам выговариват:
«Уж вы ой еси, как все люди православныя!
Уж вы ой еси, купцы, люди торговыя!
Уж вы ой еси, мещана пригородныя!
Уж вы все вы сидите ноньце споженены,
А за вас все красны девушки повыданы,
Уж един-то я, Васинька, холост хожу,
Я холост, Васька, хожу, да не жонат живу,
Вы не знаите ли хто мне полюбовницу?
И не знаите ли хто мне супротивницу?
Э не знайте ли хто мне молоду жону?
И така бы мне была да молода жона:

И статнóм была статна, да полно возрастом,
Волосом была руса, штёбы лицом бела,
А бы рець у ей, говóря тихо-смирная,
И походоцька у ей штобы упáвая,
И поглядоцька у ей была умыльная,
Штобы было кого назвать княгиною,
Штобы было от кого да князю цара пить;
На ей штобы была рубашка тонка белая,
Кабы сквозь еé рубашку тело видети,
Ищэ сквозь бы ле тело кости видети,
И как всякия суставы чоловечески —
Уж из кости ле бы в кось мозг переливаитьсе,
Как скаченой ле жемчуг перекатаитсе!»
Ищэ все тут на пиру да приумолкнули,
Кабы все на том чесном да приудрогнули,
Ищэ большой-ёт хоронитсе за среньняго,
Ищэ среньнёй хоронитсе за меньшого,
Уж от меньшого-де князю нонь ответу нет.
Из-за того из-за стола переньнёго
Там ставаёт-де удалой доброй молодец
По прозванью-то Торокан да сын Заморянин.
Он поближешенько-то князю придвигаитсе,
Понижешенько он князю покланяитце,
Говорит тут Торокан да таковы слова:
«Уж ты ой еси, ты солнышко Владимер-князь!
Ты позволь ле мне-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь ле миня за слово головы сказнить,
Головы где сказнить, скоро повесити,
И не выслать миня штобы в ссылки дальния».
Говорит на то солнышко Владимер-князь:
«Говори же, Торокан, ты не юпадывай,
Не единаго словецька не ютаивай».
Говорит же тут Торокан да сын Заморенин:
«Я бы смала-то бывал да ноньце за морём,
Ищэ за морём бывал да я за синиим,
А видал-де ка’ за морём за синиим
У Солóмана-царя видал премудрого,
Кабы есь у его нонь молода жона,
Как статном ле та статна, да полна возрастом,

Волосом-де руса, ищэ личом бела,
У ей реци-де, говоря тихо-смирная,
И походоцька у ей была упавая,
И поглядоцька у ей была умыльная.
Хоть на ей-де рубашка тонка белая,
Кабы сквозь ее рубашку тело видети,
Ищэ сякия суставы чоловечески,
Из кости ле в кость мозг переливаитьце,
Как скаченной жемцюг перекатаитьсе.
Ищэ можно ту назвать да нонь княгиною,
Ищэ можно от ей да князю цяру пить».
Говорит на то Васинька, прикрасной царь:
«Уж как можно у жива мужа жена отнять?»
Говорит тут Торокан да сын Заморенин:
«У жива мужа жена отнять — не твоя печаль.
Снареди-ко ты три карабля черленыя,
Уж со всякима товарами заморскима,
Побежу я как тогда да за синё морё!»
Он дават-де ему да дозволеньичо,
Нагрузил ён три карабля черленыя,
Он со всякима товарами заморскима.
Побегать стал Торокан да за синё морё:
Кабы сходенки ёни ноньце повыбрали,
Кабы якори заморьски все повызнели,
Подымали тонки парусы полотнены.
Кабы дал им Бог нонь тишины пособноей —
Уж бежали они тут за синё морё
Ко тому-де ко царю да ко Соло́ману.
Прибегали ко царю да ко Соло́ману,
Как походит Торокан да сын Заморенин,
Он походит ко царю ноньце ко Соло́ману,
Он поносит как подароцьки хорошия,
Торговать штобы безденежно, беспошлинно.
Как Соло́мана-то в доме не случилосе:
Он уехал, Соло́ман, к морю синёму,
Он на тихие уехал он на галани,
Он стреле́ть там гусей, да белых лебедей,
Побивати серых малиньких утянышков,
Уж крыластых, пернастых, перелётныих,

И гонять ищэ лисич да белых заечей.
Тут приходит Торокан к царю к Соломану.
Тут-де стрецяеть-де Соло́мана молода жона,
Говорит она ле тут да таково слово:
«Приходи же ты, пожалуй, небывалой гось!»
Отдават он ей подароцьки хорошия,
Ищэ сам тут говорит да таково слово:
«Торговать штобы ле нам безданно-беспошлинно».
Принимат она подароцьки хорошия
И садит его за столы да за дубовыя:
«И садись ле ты, удалой доброй молодец,
И как хлеба у мня ись да перевару пить,
А затим-де у меня да чего Бог послал!»
Он садился, Торокан, да за дубовой стол,
Он и пил тут, и ел да цего Бог послал.
Как подават она ему да сяки кушанья,
Подават она ему цяры зелена вина,
Уж как ему-то подават да сама-то пьёт —
Они пили, пировали, проклаждалисе.
Тут как стал он походить да на черле́н караб,
Он как тут ее́ зовёт ён на черле́н караб:
«Я у тя-де погостил, дак ты ко мне пойдём,
И заёмно погости у мня на карабли!»
Он пошел-де, Торокан, да на черле́н кораб,
Он приходит ко своим людям робочиим,
Говорит им Торокан да таково слово:
«Уж вы ой еси, мои люди робочия!
Как увидите ле с черного вы с карабля,
Как идёт ле Соло́мана молода жона,
Вы встрецяйте ее нонь, низко кланяйтесь;
Кабы ступит-де ёна как на черлен караб,
Подавайте вы ей цару зелена вина;
На другой же она ступень да ноньце ступит же —
Вы другу ей подавайте ноньце цару же,
Вы ведите ей тогда да во черлен караб.
Как зайдёт она тогда да во черлен караб,
Вы здымайте тогда якори заморския,
Вы вытегивайте сходенки дубовыя,
Подымайте тонки парусы полотнены!»

Он зашел, Торокан, да во черлен караб.
Как увидели его люди робочия,
И идет-де скоро Соломанова молода жона,
И заходит-де ёна да на черлен караб —
Уж подавают они цару зелена вина.
На другой раз ступила на черлен караб —
И другу ей подавают ноньце цару же.
Проводили ей-де ноньце во церлен караб —
Там стрецяет Торокан да сын Заморенин,
Он садил тогда-де ей да за дубовой стол
И как пити-де, ка’ ись, да ноньце кушати.
И как всяки тут питья-ествы наставлены,
Наливат ей, подават он цяру зелена вина:
И сам подават, и сам тут пьёт.
Тут его-то ле люди нонь робочие,
Выздымали ёни якори заморския
И затегивали сходенки дубовыя,
Подымали тонки парусы полотнены,
Побежали они как тут нонь за синё морё.
Прохватилась тут ноньце Соломана молода жона,
Выходила-де ёна да на черлен караб —
Ож карабль-от бежит да середи моря.
Она тут же как нонь да звыла-сплакала:
«Уж ты што же, Торокан да сын Заморенин,
Ты куда же меня везёшь нонь за синё морё?
За себя ле ты везешь, ле за приятеля?»
Говорит тут Торокан да таково слово:
«Я везу тебя ле нонь да за приятеля,
Я за Ваську-царя ноньце Окулова!
У нас жити-то добро, дак служить лекко:
У нас среды-то, пе́тничи не постуют,
И велики чатверги у нас нечем зовут!»
Прибегали они к Васиньке Окулову,
И пошел тут Торокан да сын Заморенин,
Он ведёт-де Соло́мана молоду жону —
Кабы Васинька-то тут да зрадовалса же,
Веселым они пирком да скорой свадебкой.
А приехал там Соломан из чиста поля,
Он навёз-де гусей да белых лебедей,

Нагонял-де лисич да белых заечей,
Он в уми-то своём да нонци думаёт:
«Кабы где же миня не всрецят да молода жона?
Одолило, винно, ей ноньце богачество,
Забрала, винно, ей хворось нонь тяжолая».
Выходила тут его ноньце служаноцька:
«У тя нету ноньце дома молодой жоны —
Прибегал Торокан, да он из-за моря,
Он увёз-де твою да молоду жону!»
Говорит на то нонь ищэ Соло́ман-чарь:
«Я бы не думал ноньце ехать за синё морё
По свою-ту ле нонь да молоду жону —
Кабы ’сяк миня назовёт да „потеря́й-жона“!»
Он как стал тут, Соло́ман, снарежатисе:
Снаредил ’сё три карабля черленыя,
Он берёт ноньце людей ноньце робоциих,
Он берёт с собой дружину всё хоробрую,
Хоробру-де дружину, заговорную, —
Побежал тут Соло́ман за синё морё.
Прибегал да ка’ за морё за синёё
Он ко Васиньке-царю ноньце Окулову,
Как походит сам един ноньце со карабля,
Он товарыщам своим ноньце наказыват:
«Как вы слушайте же нонь да понимайте же:
Заиграю я ковда да нонь во турей рог,
Вы тогда, вы робята, снаряжайтесь же;
Как другой раз заиграю я во турей рог,
Вы сходите тогда со черного со карабля;
Как трете́й раз заиграю я во турей рог,
И тогда меня заставайте вы живого же!»
Он пошел тогда ’ царю Ваське Окулову,
Он заходит ему во гриню кнежоневськую —
Кабы Васьки-царя дома не случилосе,
Как онна сидит Соло́манова молода жона.
Он немного посидел, да поздоровалсэ —
Как идёт ноньце Васинька, прикрасной царь.
Говорит тут Соло́ман таково слово:
«Уж куда же нонь от него я деваюсе?»
Говорит на то его же молода жона:

«Ты ложись нонь на кроватоцьку тисовую,
Я накину на тебя ноньце перинушку».
И сама она садилась на перинушку.
Как зашел тут-то Васинька, прикрасной царь,
Говорит ему Соло́манова молода жона:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Кабы был ноньце ле этта нонь Соло́ман-царь,
Уж бы што ноньце над им да стал ты делати?» —
«Я бы взял-де со спицьки саблю вострую,
Я срубил бы ноньце прямо буйну голову!»
Соскоцила она бы скоро со кроватоцьки,
Уж отдёрнула перинушку пуховую —
Тут лежит-де Соло́ман, царь премудрыя.
Уж хватаёт Васька со спицьки саблю вострую,
Он срубить хоцёт-де прямо буйну голову.
Говорит же тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Уж как нас-де, царей, да не казнят ищэ,
Уж как нас-де, царей, да ноньце вешают!»
Уж назад-де повесил Васька саблю вострую,
Он приказыват в поле сделать релю высокую.
Кабы скоро его люди робочие релю сделали,
И пришли они, сказали Васьки Окулову,
И вести-де кабы хоцют царя Соломана.
А собралось народу много-множество.
Повели-де Соломана во чисто полё,
Говорит тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Уж как дай мне заиграть ноньце во турей рог,
Мне проститьце ле нонь да с гусьми, с лебедьми!»
Говорит ноньце Соломанова молода жона:
«Уж Соломан-от, мотри, дак он хитёр-мудёр,
Он как выйдет своей да хитрой мудросью!»
Говорит на то Васинька, прикрасной царь:
«Ты играй же нонь ищэ, Соломан-царь,
Ты хоть скольки играй, да скольки моць берёт».
Заиграл во первой након ноньце в турей рог —
Кабы весь тут народ остановилисе.
Он играл сколько надомно во турей рог,

Кабы тут опеть вперед да повели его.
Говорит опеть Соло́манова молода жона:
«И какой еси ты, Васинька, прикрасной царь!
Ты казни ныньце Соло́мана скоро-наскоро,
Не то Соломан выйдёт хитросью и мудросью!»
Говорит на то Васинька, прикрасной царь:
«Уж ты глупая баба, неразумная!
У тя волос-от-де долог — ум коротинькой, —
Как Соломан-от ле ноньце — он у нас в руках!»
И Соломан-от говорит ноньце таково слово:
«Уж онно-то колесо да ищэ катитце,
А друго-то колесо да не останитсе!»
Говорит на то Васинька таково слово:
«Как сказали-де ’ Соло́мана — „хитёр-мудёр“, —
Не нашел я Соло́мана дице́-де всех:
285Да куда же колесо друго останитьсе,
И докуль же как ось да не ото́тритсе?»
Говорит на то ищэ ноньце Соломан-царь:
«Уж вы ой еси, люди православныя!
У кого ле вас, у вас есь отчи-ма́тери,
У кого ле у вас есь дети малыя,
Воротитесь вы назад да вы домой ищэ:
У Соло́мана-то смерть будёт страховитая!» —
А народ-де на то да не гледят ищэ.
Говорит ищэ Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Уж ты дай мне заиграть ищэ во турей рог —
У меня были во чистом поли приятели,
И с има бы мне ка’ нонь ищэ проститисе!»
Говорит на то Васинька Окулович:
«Да ты играй же, Соломан, царь премудрыя,
Ты играй же, сколько тебе хочетця!»
Говорит на то Соло́мана молода жона:
«Ты скоре его казни, скоре нонь вешай же, —
И Соломан-от уйдёт хитросью-мудросью».
Говорит на то Васинька таково слово:
«Уж ты глупая баба, неразумная!
У тя волос-от долог — ум коротинькой, —
Он куда от нас уйдет ноньце, Соломан-царь?

А Соло́ман-от ле ноньце у нас в руках!»
Как ведут опеть Соломана по чисту полю,
И ведут ноньце ко рели ко высокоей,
И ко той-де ко плахе ко дубовоей,
Говорит ищэ Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Васинька, прикрасной царь!
Ты уж дай мне-ка заиграть нонь во турей рог,
Мне проститсэ в посленних с людьми добрыма,
Мне простися ищэ нонь со белым светом!»
Говорит на то ле Васька таково слово:
«Ты играй же ле сколько у тя моць берёт!»
Он играл-де, Соломан, нонь во турей рог —
Ож накрыли тут его да гуси-лебеди.
Набежала его дружинушка хоробрая,
Хоробра-де дружина, заговорная,
И схватили они Васиньку-царя ищэ,
Как повесили-де Васиньку во петелку,
И как в петелку его нонь во шолковую,
Торокана-то повесили нонь во петелку,
И во ту его во петелку пеньковую.
Как Соломана-то жону да нонь не вешали:
Он-де брал-де бы ей за жолты кудри,
Он бросал ей о матушку сыру землю —
Ищэ тут ноньце ей да смерть случилосе.
А Соломан-от-де взял ей за праву руку,
На енну ногу ступил да другу оторвал,
Кабы бросил-де ей да во чисто полё,
Уж черным-то воронам ’сем на воскурканьё,
Уж серым-то волкам на востарзаньё,
Ищэ синёму морю на утишеньё —
Ищэ вам, ’сем молодцам, да на послыханьё,
340Кабы старым старухам нонь на долгой век.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., с. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.